

Прокопия. Она находилась рядом с базиликой №23 и может быть идентифицирована с Северной базиликой (№22) или, что более вероятно, с храмом "А", входившим в комплекс главного кафедрального собора с большой базиликой – храмом Св. Апостолов Петра и Павла.

Ключевые слова: Византия, Херсон, Св. Климент, Св. Прокопий, христианская топография, Константин Философ.

S. B. Sorochan

The Cherson Temple of Saint Procopius in agyographic and archaeological sources

Summary

In the article consideration one problem of christian topography of Byzantian Cherson. The analysis "Words about transferring saint Clementis" (the old slavic version) and archeological monuments allows to reach the conclusion, that events on January 30 (861 year), in which participat the Constantin Philosopher, were connected to church of Saint Procopius. It was find near the baths and bazylik 1 23 and can be identified to Northern bazylik (1 22) or temple "A", which entered into a complex of the main temple of city - large bazylik.

Key words: Byzantium, Cherson, Sti Clementis, Sti Procopius, christian topography, Constantin Philosopher.

Степанов Цветелин

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГЕНЕАЛОГИИ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ И ХАЗАРИИ

В Средние века легитимация власти, как хорошо известно, осуществлялась чаще всего при помощи родovitости и исторических мифов. „Изобретение“ этих мифов – характерное явление не только в т. наз. варварских государствах (иногда называемых „варварской периферией“), но и в старых цивилизациях, связанных генетически с эллино-римским, иранским и китайским наследиями. В основном, эта практика типична среди „народов Книги“, т.е. тех, которые были связаны с цивилизациями Средиземноморья и Передней Азией и, в частности, с традицией Торы (Библии и Корана), или же с традицией метаисторического образа Александра Македонского [Шукуров 1999, 33-61; Степанов 2005, 25-26; Stepanov 2010, 18-19]. Раннесредневековые болгары и хазары – не исключение из этого правила, и на следующих страницах попытаюсь продемонстрировать этот вывод с помощью анализа нескольких средневековых текстов (точнее, некоторых их фрагментов), чья реконструкция, надеюсь, раскроет перед нами общую матрицу, которую элиты обоих государств использовали для своей генеалогической легитимации.

1. Хазарский казус

Фрагмент, который нас интересует в данном случае, давно известен и прокомментирован в научных исследованиях. Речь идет о части переписки между хазарским „царем“ (каган-беком) Иосифом и евреем из Кордовского халифата Хасдаем ибн Шафрутом (860-ые гг.), дошедшей до нас в Краткой и Пространной редакции [Коховцов 1932]. Этот документ – единственный оригинальный текст, вышедший из-под пера представителя самой высшей страты хазарской элиты, пытающегося дать легитимную санкцию верховной власти каган-беков в Хазарии. В данном случае интересно то, что в документе не показывается связь с наследством Западнотюркского (Первого) каганата и возможным происхождением власти хазарских каганов от харизматического тюркского рода Ашина [В очередной раз

анализ этой последней гипотезы см., Семенов 2010, 5-14]. Впрочем, и раннесредневековые болгары в своих генеалогиях тоже не упоминают ни о наследстве т. наз. Аттиловой империи и, в частности, самого Аттилу¹, ни о наследстве того же Западнотюркского каганата, хотя и они, и хазары являются его формальными наследниками в самой западной части степной Евразии после 630-х гг.²

Разные аспекты этой корреспонденции уже подвергались анализу на протяжении многих лет [См. напр. Dunlop 1954 (1967); Артамонов 1962; Golden 1980; Golb, Pritsak 1982; Голб, Прицак 2003; Новосельцев 1990; Петрухин 2001, 73-78; Тортика 2006; Семенов 2010, 5-14], но в данном случае нас будет интересовать исключительно сюжет с принятием хазарами иудаизма, которое было осуществлено – как и следует предполагать в подобном тексте из Средневековья, – после чудес, знамений и пророческого сна у владельца Булана [См. разные направления интерпретаций: Dunlop 1967, 148, 158, 161; Golden 1980, 169-171; Новосельцев 1990, 136-137, 149]. Иосиф, совсем по традиции «народов Книги», связывает происхождение хазар с библейской генеалогией (от потомка Иафета, Тогармы, чей седьмой сын был Хазаром) [См. Битие 10, 3. См. о письме и Артамонов 1962, 114; Новосельцев 1990, 76-77]. Древние армянская и грузинская традиции также связывают происхождение кавказских албанцев, армян, грузин и других кавказских этносов с Таргамосом или Торгамой [Новосельцев 1990, 76-77 и прим. 77]. В целом, во времена Средневековья

¹ Иного мнения придерживаются большинство авторов, работавших по теме сразу после публикации в 1866 г. т. наз. Именника болгарских князей, но они следуют «инерции» истории Великого переселения народов, как будто не обращая внимания на тот факт, что имя «Авитохол» из т. наз. Именника никоим образом нельзя этимологизировать как производное от «Аттилы» (См. Добре 1991, 1994 и 1995; Степанов 1999а, 1999б и 2008. Ср. Шервашидзе 1989, 79-81). «Топография» текста т. наз. Именника в «Летописце Еллинском и Римском» – после IV-й книги Царств, – подсказывает, что неизвестный автор хотел создать другое впечатление, а именно, что царская власть у болгар исходила не от Аттилы, а «Божием повелением», так как болгары являлись наследниками древнего Израиля, ср. также такие имена в Ветхом Завете как «Авимелех/Авимелек» и, соответственно, «Авитохол» в Именнике.

² Правда, иногда хазар и маджаров называли, а и сами они себя иногда величали, «тюрками». На этом фоне необходимо особо подчеркнуть, что во времена Средневековья протоболгары не отождествлялись ни одной письменной традицией как «тюрки»: ни византийской, ни западноевропейской, ни арабской, ни армянской, ни грузинской и т. д.

народы Севера (вместе с западноевропейскими народами) прочно были связаны с потомством Иафета, самого младшего сына Ноя. От внимания исследователей не ускользнул и тот, на первый взгляд, странный факт, что все упомянутые после Булана «цари» в Хазарии имеют еврейские имена (Обадия, Ханукка, Ицхак, и т. д.), а лишь «виновник» введения иудаизма в каганате представлен своим тюркским именем «Булан» [Dunlop 1967, 148; Golden 1980, 169; Новосельцев 1990, 152]. По этому поводу А. Новосельцев говорит буквально следующее: «Возможно, что они, подобно русским князьям XI–XII вв., носившим языческое и христианское имя, имели два имени – тюркское и иудейское» [Новосельцев 1990, 152]. Нам, в данном случае, важнее акцентировать внимание на другом аспекте – что только первый (своего рода, родоначальник!) владетель иудей назван лишь своим тюркским именем. На следующем для нашего анализа этапе важно отметить и этимологию этого имени: тюркское «Булан» интерпретируется в последние десятилетия как «лось», «олень» [О более старых, но неубедительных этимологиях периода до 1950-х гг., см. Dunlop 1967, 161, прим. 127 и 128. О «лосе» и «олене» см. Артамонов 1982, 278; Golden 1980, 170-171: 'elk', 'deer'; Новосельцев 1990, 152], причем П. Голден допускает, что это имя – тотемное [Golden 1980, 171: "...probably a totemistic name". Ср. Голан 1993, 37]. Здесь необходимо вспомнить древнюю легенду о серне/олене в Скифии, которая перевела скифов/утигуров и кутигуров через Меотиду, известную благодаря ряду античных и ранневизантийских авторов, а также и интерпретацию имени древних среднеазиатских «саков» (родственников скифов, по утверждению всех античных авторов и более поздних исследователей) при помощи слова 'saeg', «олень», откуда и название скифов «сака»³ [Абаев 1965, 105; Степанов 1994, 10-22; Степанов 1999б, 52; Степанов 2008, 41. См. и Голан 1993, 44]. Очевидно, серна/лань и ее мужской эквивалент, олень, воспринимались с самой глубокой древности в степной Евразии как мифические прародители с божественным происхождением, давшие начало «царской» власти (а отсюда – и общности) ряду этнополитических формаций в этой части мира [Йорданов 1996а,

³ Хорошо известно, что Геродот (История, VII, 64) упоминает, что персы зовут всех скифов «саки/сака». В Индии они были известны как «шака» (Saka), а среди еллинов – как Σακαί.

24; Степанов 1999а, 64; Степанов 1999б, 52; Моллов 1997, 35. См. и Голан 1993, 36-47]. Основной герой осетинского эпоса – Сослан, не случайно преследует оленя, являющегося инкарнацией богини Ацирухс, на которой он потом женится [Яценко 2000, 98-99; Живков 2009, 26, 29]. Здесь надо добавить и другую важную подробность в этом же направлении размышлений: в болгарских рождественских (т.е., связанных с рождением Нового/Молодого бога 24.12.!!!) песнях олень приводит двух братьев-близнецов к их будущим супругам [Йорданов 1996а, 34; Живков 2009, 28], что является несомненным намеком на хиерогамию. На этом фоне наверно скажем: а может, хазары закодировали с помощью «Булана» («оленя») как раз древнюю мифологию о происхождении власти? Существующие данные не предоставляют нам право дать прямой ответ «да» или «нет» на этот вопрос. И, имея ввиду это обстоятельство, необходимо обратить внимание и на.

II. Болгарский казус

Объектом анализа в этой части статьи являются два письменных памятника конца XI – начала XII в. и, по словам Б.Н. Флоря, соответственно XVII в. [О датировке ср. „Предисловие“ в: ПСРЛ 1975, 3], оба которых, думается, связанных с проблемой женского начала в генезисе царской власти в средневековой Болгарии. Первое свидетельство принадлежит к т. наз. историко-апокалиптической литературе, чей расцвет в болгарских землях начался с конца XI в. Этот текст и соответствующий отрывок неоднократно обсуждались в литературе [См. текст в: Тълкова-Заимова, Милтенова 1996, 199]. Второе свидетельство принадлежит к одной литовской хронике и датируется XIV столетием (s.a. 1323) – т. наз. «Хроника литовская и жмойтская». Она является частью рукописи, найденной В.И. Бугановой в Государственном архиве Тюменской области (Отдел рукописных книг, № 79, т. наз. Тобольская рукопись). В Болгарии на нее обратил внимание Пётр Добрев в начале 1990-х гг. [Добрев 1991, 85-91. О тексте см. ПСРЛ 1975, 40].

В апокалиптическом сочинении «Сказание пророка Исаяи, который был вознесён ангелом до седьмого неба» (оно известно ещё и как Болгарская апокрифическая летопись) упоминается болгарский владетель Испор, т.е. создатель Дунайской Болгарии Аспарух, «детище, ношенное в корове три года». Некоторые исследователи, однако, предпочитают воспринимать как правильный не перевод «в

корове», а «в корзине» [Венедиков 1983, 47; Венедиков 1995, 245]. В литовской хронике же говорится следующее: «Также мисикийское княжа albo болгарское от еленицы было выкормленное, на пушу будучи занесено на згублене». [ПСРЛ 1975, 40]. Итак, от лани или от коровы (а может быть, от корзины?) выводится начало болгарской царской власти в Средние века.

Думаю, что в начале необходимо коротко рассмотреть два подхода к мотиву о ребенке Аспарухе, выжившем чудесным способом. Первый из них, принимающий как правильный перевод «в корзине», акцентирует несколько фактов: 1) похожее выживание подкидышей, словно по повелению свыше, можно обнаружить среди просторов Передней Азии во многих легендах еще с древнейших времен, например в легенде о Моисее, Саргоне, ахемениде Кире и др. [Подробнее см. Венедиков 1983, 47 сл. сл.; Иванов 2009, 28]. Подкидышами являются и Ромул и Рем, а также и другие персонажи, которые географически связаны с Европой. В то же время, 2) акцентируется и на жанре текста, в котором встречается мотив – это историко-апокалиптический текст и, как таковой, он по презумпции будет следовать сходным текстам и представлениям из Священного Писания (например, в большом количестве лет правления Аспаруха – целых 172, которые напоминают о библейском архетипе в Ветхом Завете; или же в указании «тростником» дороги нового избранного Богом народа – болгар [Иванов 1989, 73; Моллов 1997, 31-32 и прим. 8], которые должны заселить всю Карвунскую область, пустующую без эллинов целых 130 лет («опустевшую от эллинов сто тридцать лет тому назад»). Смысл пустого места, «пустыни», в этом случае, можно искать в идее о «пространстве хаоса» [по схеме М. Элиаде; см. и Бадаланова-Покровская 1990, 141], но в то же время его можно воспринять и как будущую болгарскую «землю обетованную»! Следует отметить и акцент на лексеме «детище», которая встречается и в других схожих, но более поздних текстах [Старобългарска есхатология 1993, 111: „Прозрение пророка Даниила о последних временах и об Антихристе“], а также и в болгарском фольклоре и, в частности, в героическом эпосе [Венедиков 1983, 70; Бадаланова-Покровская 1990, 142]. Так, в конечном счете, в науке утверждается мнение об «Испоре царя» как о «молодом богатыре» в роле культурного героя, одолевающего «пустыню» и превращающего ее после этого в окультуренное «свое» пространство [Бадаланова-Покровская 1990, 142].

Другой подход обращает внимание на тот факт, что в мифологии известно немало примеров, представляющих Великую Богиню-мать в воплощениях разных животных, причем довольно часто в самых древних очагах цивилизации в Евро-Азии, в эпоху неолита и позже, она представлена как корова (и, соответственно, как контрапункт мужского начала, воплощённого в быке). А согласно традициям древних мифологий, происхождение царской власти всегда божественно, т.е. является результатом связи мужского и женского сакрального начала [Для интересных наблюдений в этом направлении по поводу Хазарии см. Живков 2009, 21-31]. Так как апокалиптические сказания имеют свои корни в Передней Азии, то и корова, как воплощение Великой Богини, кажется более точным образом «матери» Аспаруха.

Насколько мне известно, русские исследователи Сергей Иванов и Анатолий Турилов принимают возможным и перевод «в корове», и «в корзине» по отношению к мотиву об Испоре [Иванов 1989, 72; Турилов 1995, 2-39; Иванов 2009, 28 и прим. 61. Ср. Иванов 1991, 132]. Некоторые болгарские исследователи, например Тодор Моллов, считают, что перевод «в корове» является более удачным. Последний рассматривает легенду о лани и гуннах, знакомую из сочинений Евнапия, Созомена, Прокопия и др. авторов, в ее связи с ритуалами переселения, похожих на итальянскую «Священную весну» (*Ver sacrum*), т.е. с эфебской группой, делая упор на тот факт, что и в мифологеме «волшебное детство», и в этих упомянутых ритуальных миграциях «покровительницей эфебских групп является Великая богиня-мать в качестве прародительницы», и это объясняет ее появление в образе «рогатой матери», т.е. лани и соответственно коровы» [Моллов 1997, 34-35 и прим. 17. См. и Йорданов 1996а, 25, 33, который справедливо отмечает, что роль коровы при переселениях в древности воспринималась как тождественной роли серны]. Известно, что у шумеров бычий рог встречаются на изображениях божеств и эта практика сохранилась и среди последующих вавилонян и хеттов, а также и в Египте. Древнеегипетские Хатор и Изида, а также и месопотамская Иштар изображались как полуженщины-полукоровы, а Хатор – еще и супруга быка (!) Аписа. В облике коровы воспринимались и Гера и Ио в древней Элладе, как и семитская Астарта. Опять же в египетской мифологии, в качестве матери солнца, воспринималась «небесная корова», т.е. корова здесь – олицетворение Неба. Так

то примеров в этом регионе немало, и ими нельзя пренебрегать при интерпретировании [Голан 1993, 41, 53-54, 57]. Ариел Голан акцентирует на факте, что в Передней Азии не только божества, но и цари изображались с бычьими рогами, а полумесяц часто сравнивали с рогом [См. и Мифы 1981, 200: «небесная корова» как мать солнца. См. и Боргояков 1976, 55-59]. Конечно же, их можно дополнить и данными из других этно-культурных ареалов, например в славянских песнях месяц появляется как мужчина, а солнце является женщиной, а в некоторых славянских сказаниях луна называется «быком», а солнце – «коровой». В «Эдде» луна и солнце – муж и жена. В некоторых индоевропейских языках можно обнаружить вариации и неустойчивость в представлениях о мужском и женском – если их рассматривать сквозь призму солнца и луны – даже на лексическом уровне: ср. две латинские наименования «луны», *Iunus*, которое в мужском роде, но и *Iuna* – в женском; ср. также латинское *sol*, «солнце», и французское *soléil* с тем же значением – оба слова в мужском роде, с литовским *saule* и немецким *sonne*, опять со значением «солнце», которые, однако, в женском роде [Голан 1993, 41, 57]. Исследователи славянской старины подчеркивают, что в народной культуре корова и бык по традиции находятся в устойчивой связи с водой, дождем и облаками, а среди южных славян и на русском Севере существуют легенды о коровах, обитающих в озерах [Шарапова 2001, 299]. В болгарском фольклоре солнце и месяц в некоторых вариантах – братья, мать которых живет на небе; а в других у месяца есть и женский образ – «месечина», которая является сестрой солнца [Георгиева 1983, 19, 25-26]. Очевидно в Болгарии у луны – андрогинная природа, и по этой причине ее называют и «Мартой», и «Марой месечиной», считая ее сестрой Марко, т.е. супругой изначального мужского божества [Степанов 2007, 46-47]. Еще одно древнее болгарское представление заслуживает внимания – о том, что у солнца нет отца (!); вот почему оно от-мечено в фольклоре как теленок или буйволенок [Живков 2009, 31]. Подобные представления а отсюда шаг до происхождения царской власти от Неба, т.е. от коровы и/или быка.

Мне кажется более вероятным, что этот, «бродячий» по существу, мотив в апокалиптическом рассказе взят из другой, переднеазиатской этно-культурной среды, которая не имела

много общего с местами, где обитали древние болгары. Хотя с другой стороны, благодаря литературе, такие и подобные мотивы часто проникают сквозь этно- и культурные границы и являются общетипичным фондом в некоторых христианских легендах и сказаниях о происхождении царской власти (ср. франкское представление о происхождении их царской власти от древней Трои, или же от легендарного Меровея, который, согласно франкскому языческому преданию, родился от связи его матери-королевы с неким морским чудовищем; эта легенда записана Псевдо-Фредегарием) [Ронин 1989, 68]. Именно этим способом во время Средневековья часто обосновывалось представление о богоизбранности данного христианского народа.

Другая легенда, о лани, тоже напоминает о таком отдалённом во времени мотиве – о лани (или олене), которая переводит через Меотиду (Азовское море), т.е. в Европу, в мир эллино-римской цивилизации (согласно античным представлениям) «скифские» племена; так она делает из бывших кочевников людей, достойных жизни в городах и по правилам цивилизации. Эту легенду рассказывали немало авторов во времена Поздней античности (ср. например рассказ о братьях Утигур и Кутригур, которых лань перевела через Меотиду, у Прокопия Кесарийского (сер. VI века) [ГИБИ 1958, 137-141]).

Необходимо рассмотреть и контекст упомянутого свидетельства о лани и о скормленном ею «болгарском князе»: здесь встречаются легенды об Астиаге и молодом Кире, об основателях Рима – Ромуле и Реме, вскормленных волчицей, а также об испанском «царе» Габисе, который тоже спасся от гибели чудодейным способом и был вскормлен ланью; присутствует также и легенда о знаменитом троянском герое Парисе, которого вырастила «медведица» [ПСРЛ 1975, 40. См. и Добрев 1994, 189 сл.; Добрев 1995, 59 сл.]. Некоторое время тому назад венгерский автор Петер Юхас и болгарский исследователь Петр Коледаров обратили внимание на тот факт, что сегодня отголоски этой легенды можно обнаружить и среди болгар, и среди чувашей, а также в венгерском фольклоре [Юхас 1985, 405 сл. сл.; Коледаров 1973, 15-17], т.е. очевидно, что эта легенда принадлежит к степному евразийскому пространству.

Иногда в подобных легендах на месте серны/лани является олень. Так, например, у мадьяров после обращения в христианство легенда о чудном олене преобразилась в легенду о происхождении

Арпадового рода [Юхас 1985, 431]. А как раз с Арпадом мадьяры связывают начало своей государственности в Паннонии! Другую важную легенду о происхождении Арпадовой династии можно обнаружить в т. наз. Венгерском анониме. Там упоминается, что Емесу забеременела от птицы турул (toğrul, др.-тюрк. toyrul) и имела видения, связанные с рождением владетелей. В языках, родственных венгерскому, лексема 'emes' (емеш) означает «мать», «женское существо», и таким образом получается, что прародитель Арпадов появился на белый свет от связи священной птицы турул и некой женщины [Степанов 2008, 44 и прим. 41, 42, где автор цитировал сочинения Gy. Kristó и Gy. Györffy], т.е. прародитель – плод священного брака Неба (мужского начала) и Земли (женского начала). В то же время, к этому нужно добавить и факт особого пиетета к оленю и среди старого, осевшего населения Юго-Восточной Европы – фракийцев, даков и гетов, что можно проследить в некоторых легендарных реликтах, и особенно в болгарском фольклоре [См. о деталях Георгиева 1983, 40-45. Ср. очень интересное сравнение в болгарском фольклоре – «волови-еленчовци» - Манкова 1999, 89]. Похожие мотивы – об участии оленя/лани в обосновании сакральных по своей сути актов – встречаются довольно часто в болгарском фольклоре, например в одной сказке два брата, Игрил и Богрил, преследуют оленя, который потом превращается в красивую девушку; в итоге один из братьев остается с ней, а другой возвращается обратно. Это, однако, может быть и реликтом старой и широко распространенной дуально-фратриальной организации, довольно типичной для евроазиатской древности; некоторые ее проявления связаны именно с переселением типа «Ver sacrum» [Йорданов 1996а; Йорданов 1996б, 64; Йорданов 1997, 99-100]. Согласно болгарской народной песне, один богатырь преследовал две лани, которые превратились в красивых девушек [Юхас 1985, 388-389, 434-435; Живков 2009, 29. О других примерах из фольклора см. Мороз 1980, 49-58; Степанов 2008, 41-42 и прим. 30-31, 33-35].

Вероятно, в образе лани мы также можем увидеть и воплощение Великой Богини, но на этот раз в воплощении – более типичном, наверное – для мира степной Евразии, где олень/лань, волк/собака, а еще и лошадь являются основными божественными воплощениями. В этом конкретном случае трудно определить, взят ли данный мотив в хронике из литературного источника, или же он на самом деле является глубоко укоренившимся представлением

в степной Евразии, где веками проживали древние болгары. Оба объяснения возможны; следовательно, выбор не может быть сделан, исходя из принципа противопоставления «или/или».

В конце этой части необходимо отметить, что раз царская власть – а *prōi* продукт единения мужского и женского начала, то значит с основанием можно ожидать, что и в некоторых болгарских средневековых легендах есть вероятность встретить разные варианты (корову или лань) инвариантной Великой Богини в качестве верховного женского рождающего начала. В исторической апокалиптике довольно часто идет речь о царской власти как о связанной с «рогом»⁴. В древности также старой практикой являлось восприятие царской короны как единения солнца и луны, т.е. как «рогов», и лучший пример этому кажется навершие короны сасанидских шахиншахов. Тут отмечу лишь один схожий пример, который снова принадлежит тексту из историко-апокалиптической литературы. Этот отрывок можно найти в т. наз. Разумник-Указ (датированном, скорее всего, XIII-го в.), и звучит он буквально так: «На месте двенадцати апостолов есть двенадцать рогов, увенчанных на царских престолах. Место св. Петра – франкский престол; место св. Павла – греческий престол; место св. Луки – армянский престол; [...] место св. Иоанна – сербский престол; место св. Томи – никейский престол...» [Тъпкова-Заимова, Милтенова 1996, 293, 299; 305 – новоболгарский перевод]. Здесь логично припомнить и хорошо известный отрывок о «десяти рогах» в пророчестве Даниила (7: 7-8, 24), которое опять же связано с царской властью, а сам пророк – может быть, самый почитаемый среди апокалиптиков эпохи христианства!

Из всего вышеупомянутого представляется приемлемым предположение, что мифологические матрицы «требовали» и среди болгар наличия женского воплощения Великой богини в ее связи с происхождением болгарской царской власти; скорее всего, богиня воспринималась в образе коровы и/или лани. Так Великая богиня в образе матери (или супруги) вырашивает героя, легитимируя, таким образом, власть владетеля как данную свыше, т.е. с Неба.

⁴ См. и прозвище Александра Македонского в персо-арабской литературе – «Двурогой» (Зу'л-Карнайн/Ду'л-Карнайн)

Выводы в конце статьи могут быть представлены следующим образом: принимая, что происхождение хазарской власти исходит от Тогармы, мы наблюдаем кодирование происхождения царской власти у хазар по линии библейской ветхозаветной истории, согласно традициям «народов Книги»; это сделано так, чтобы царь Иосиф адекватным образом мог дать ответ кордовскому еврею Хасдаю ибн Шафруту, связанному по определению с Торой. А с помощью имени «Булан», вероятнее всего, представлена оригинальная мифологема, имеющая очень древнее происхождение в степном пространстве Евразии, где первоначальный миф определяет легитимные генеалогии «скифского пространства» с помощью божественных инкарнаций Великой Богини-матери (лани/серны) и Солярного мужского бога (оленя). Среди раннесредневековых болгар эту последнюю (типологическую) специфику можно обнаружить в очень сходном варианте в т. наз. «Именник болгарских князей» и в Литовско-жмойтской Хронике. На фоне происхождения римлян и тюрков от волчицы, а франков (до династии Каролингов, т.е. до середины VIII в.) – от мифического Меровея (ср. Меровинги; количество примеров использования той же мифологической матрицы и другими этносами можно увеличивать без проблем), легитимация «скифских» корней древних болгар и хазар через мифологему про божественного прародителя оленя/лани не должна вызывать удивления у современного исследователя.

Литература

- Абаев В. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- Артамонов М. История хазар. Л., 1962.
- Бадаланова-Покровская Ф. «Основание царства» в болгарских средневековых представлениях. // Механизмы культуры. М., 1990. С. 137–151.
- Боргояков М. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. 1976. № 3, С. 55–59.
- Венедиков Ив. Медното гумно на прабългарите. София, 1983.
- Венедиков Ив. Златният стожер. Стара Загора, 1995 (второ преработено издание).
- Георгиева Ив. Българска народна митология. София, 1983.

- Голан А. Миф и символ. М., 1993.
- Голб Н. Прицак, О. Хазарско-еврейские документы X века / Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Иерусалим-Москва, 2003.
- ГИБИ [Гръцки извори за българската история], II, София, 1958.
- Добрев П. Прабългарите. Произход, език, култура. Нов прочит. София, 1991.
- Добрев П. Преоткриването на прабългарския календар. София, 1994.
- Добрев П. История на българската държавност. София, 1995.
- Живков Б. Свещената царска власт и култът към Великата Богиня в Хазария. // Минало. 2009. №3. С. 21–31.
- Иванов С.А. „Болгарская апокрифическая летопись“ как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 70–77.
- Иванов С.А. К вопросу об элементах этнополитического сознания в «Болгарской апокрифической летописи» // Раннефеодальные славянские государства и народности (Проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 131–136 [Studia Balcanica, 20].
- Иванов С.А. Болгарская общественная мысль эпохи раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2009. С. 9–30.
- Йорданов Ст. Обичаят „свещена пролет“ у прабългарите и механизмът на преселенията им в Северното Причерноморие и на Балканите. // Страници от историята на българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1996а. С. 24–40.
- Йорданов Ст. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: I. Племенната общност на уногундурите, Patria Onodugia и Велика България. // Българите в Северното Причерноморие. Т. 5. Велико Търново, 1996б. С. 49–69.
- Йорданов Ст. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: II. Системата тьолис–тардуш и двудялбата „българи – котраги“ в „Старата Велика България“ // Българите в Северното Причерноморие. Т. 6. Велико Търново, 1997. С. 89–108.
- Коледаров П. Една сърна посочи пътя на нашите прадеди. // Наша родина. 1973. № 3. С. 15–17.
- Коковцов П. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Манкова Й. Статия «говедо» // Енциклопедия българска народна медицина. Съставителство и обща редакция Минчо Георгиев. София, 1999.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1981.
- Моллов Т. Мит–епос–история. Велико Търново, 1997.
- Мороз Й. Ранната религиозна семантика на народните предания в етническата история на българите. // Проблеми на културата. 1980. № 6. С. 49–58.
- Новосельцев А. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрухин В. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир / К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С. 73–78.
- ПСРЛ [Полное собрание русских летописей]. Т. 32. Москва, 1975.
- Ронин В. Франки, вестготы и лангобарды в VI–VIII вв.: политические аспекты самосознания // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 60–76.
- Семенов И.Г. О происхождении династии хазарских каганов и времени образования Хазарского каганата // Восток (Oriens). 2010. № 5. С. 5–14.
- Старобългарска есхатология. Антология / Съставители Д. Петканова и А. Милтенова. София, 1993.
- Степанов Цв. Саки ли са Аспаруховите българи? // История. 1994. № 3. С. 10–22.
- Степанов Цв. Авитохол – историческа личност или митологема? // Български векове. 1999а. № 1. С. 54–64.
- Степанов Цв. Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII–ср. на IX в.). София, 1999б.
- Степанов Цв. Българите и степната империя през ранното средновековие. Проблемът за Другите. София, 2005.
- Степанов Цв. Мадара и скалният релеф (по повод на стари и нови ракурси към проблема). // Изследвания по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев. Велико Търново, 2007. С. 44–53.
- Степанов Цв. Авитохол и Атила: размишления върху една митологема. // История и историография. Сборник в чест на проф.

д-р Мария Велева. Составитель доц. д-р Елка Дроснева. София, 2008. С. 35–46.

Тортика А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII–третья четверть X вв.). Харьков, 2006.

Турилов А. Кичевский сборник с „Болгарской апокрифической летописью“ (Датировка, состав и история рукописи). // Palaeobulgarica. 1995. № 4. С. 2–39.

Тълкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжна-на във Византия и в средновековна България. София, 1996.

Шарапова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. Около 1000 статей. М., 2001.

Шервашидзе И. Еще раз об этимологии имен Ašina и Attila-Avithoxolъ. // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 79–81.

Шукуров Ш. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: Опыты преодоления. М., 1999. С. 33–61.

Юхас П. Тюркобългари и маджари. София, 1985.

Яценко С. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 86–103.

Dunlop D. The History of the Jewish Khazars. Princeton, NJ, 1954 (New York, 1967).

Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca and London, 1982.

Golden, P. Khazar Studies. Vol. 1. Budapest, 1980.

Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others. Leiden-Boston, 2010.

Степанов Цветелин

Мифологические стратегии генеалогии власти в раннесредневековой Болгарии и Хазарии

Резюме

На основе некоторых фрагментов текстов, связанных с болгарской и хазарской письменными традициями, автор предлагает следующую интерпретацию: принимая, что происхождение хазарской власти исходит от Тогармы, наблюдаем кодирование происхождения хазар по линии библейской ветхозаветной истории, согласно традициям «народов Книги». А с помощью имени «Булан» (из переписки Хасдая ибн Шафрута с царем Иосифом – середина X в.), т.е. «лось», «олень», вероятнее всего, представлена оригинальная хазарская мифологема, имеющая очень древнее происхождение в степном пространстве Евразии, где изначальный миф определяет легитимные генеалогии «скифского пространства» с помощью божественных инкарнаций Великой Богини-матери (лани/серны) и Солярного мужского бога (оленя). Среди раннесредневековых болгар эту последнюю (типологическую) специфику можно обнаружить в очень сходном варианте в т. наз. «Именнике болгарских князей» и в Литовско-жмойтской Хронике, где тоже видны «еленицы» и/или корова. На фоне происхождения римлян и тюрков от волчицы, а франков (до династии Каролингов, т.е. до середины VIII в.) – от мифического Меровея (ср. династия Меровинги), легитимация «скифских» корней болгар и хазар через мифологему про божественного прародителя оленя/лани не должна вызывать удивления у современного исследователя.

Степанов Цветелин

Міфологічні стратегії генеалогії влади у ранньосередньовічній Болгарії та Хазарії

Резюме

На ґрунті деяких фрагментів текстів, пов'язаних із болгарською та хазарською писемними традиціями, автор надає наступну інтерпретацію: не заперечуючи, що походження хазарської влади йде від Тогарми, спостерігаємо кодування походження хазар по лінії

Біблійної старозавітної історії, відповідно традиціям «народів Книги». А за допомогою імені «Булан» (з листування Хаздая ібн Шафрута із царем Йосипом – середина X ст.), тобто «лось», «олень», вірогідніше за все, репрезентована оригінальна хозарська міфологема, яка має стародавнє походження в степах Євразії, де первинний міф визначає легітимні генеалогії «скіфського простору» за допомогою божественних інкарнацій Великої Богині-матери (лані/серни) та Солярного чоловічого бога (оленя). Серед ранньосередньовічних болгар цю останню (типологічну) специфіку можна знайти у дуже подібному варіанті у так званому «Іменникові болгарських князів» та у Литовсько-жмойтській Хроніці, де теж бачимо «олениці» і/або корову. На тлі походження римлян и тюрків від вовчиці, та франків (до династії Каролінгів, тобто до середини VIII ст.) – від міфічного Меровея (пор. династія Меровінгі), легітимація «скіфських» коренів болгар и хозар через міфологему про божественного прародителя оленя/лань не має викликати подив у сучасного дослідника.

Stepanov Tsvetelin

**Mifology strategs of the geneology of pauer in the midl aig
Bulgaria and Khazaria**

Summary

On the basis of some fragments from texts that are connected with the Bulgarian and Khazar mediaeval narrative traditions, the author offers the following interpretation: taking into consideration that the origin of the Khazar rule is 'by Togarma', one has to accept that the Khazar elite after the 9th century embraced an well-established practice of the Middle Ages, namely to follow the paradigm of the Holy Bible. As regards the personal name of the first qagan in Khazaria, 'Bulan', e.g. "elk", "deer", "stag" (known by the letter of Hasdai ibn Shapruth and the Khazar king Josef, mid-10th century), the Khazars most probably presented the original Khazar mythologema, with its deep roots in the steppe Eurasia, where the myth of origin claims that the legitimate genealogies of the 'Scythian area' had its background in the sacred incarnations of the Great Mother Goddess ('deer') and the Solar Male God ('stag') and their hyerogamy. Amongst the Early Mediaeval Bulgars that same (typical indeed) characteristics can be found in the so-called 'Name List' of the Bulgar rulers as well as in the so-called Litovsko-zhmoytski Annals

where there are also 'royal' mythologemae, with an origin of the royal power by that same 'deer' or/and 'cow'. Having in mind that the Romans and the Turks, according to their myths of origin, had their sacred power and first rulers as coming from a she-wolf, as well as the Merovingian dynasty in France (up to the mid-8th century) – with an ancestor such as the mythic Merowei, it seems that the legitimization of the 'Scythian' roots of the Bulgars and Khazars – through the mythologema of the divine ancestor 'deer'/'stag' – should be taken by the scholars as well-grounded into the Eurasian (steppe) tradition.